

УДК 81-25+811.161.1'42+81'367.321/322

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-69-1-67-83

МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ ДЕМАГОГИИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ФАТИЧЕСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ВОПРОСНО-ОТВЕТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

И. А. Кузнецов

Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева,
Москва, Россия

В статье рассматриваются воздейственный потенциал и целевые установки некоторых манипулятивных коммуникативных стратегий и тактик в фатическом речевом взаимодействии. Под фатическим речевым общением понимается общение, имеющее целью само общение, а не обмен фактической информацией между говорящим и слушающим. Предметом исследования выступают вопросно-ответные диалогические единства. Цель исследования — проанализировать модели языковой демагогии в фатической диалогической вопросно-ответной коммуникации, реализованные в русской речи. Использована методика комплексного дискурс-анализа диалога, в том числе имплицитных составляющих его интенциональной области и пропозиционального содержания. Материалом исследования являются вопросно-ответные единства, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Объем исследованного корпусного материала — 218 контекстов. Рассматриваются такие модели языковой демагогии, как ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию, воздействие при помощи речевых импликатур, возражение под видом согласия, противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности, игра на референциальной неоднозначности, использование манипулятивной стратегии *de re*, «магия слова». Показано, что данные модели актуализуются в русском диалогическом дискурсе посредством таких языковых средств, как игра на многозначности, использование метафор, наведение ложной оценочности, скрытое сравнение или противопоставление, манипуляция экспрессивными средствами, параномазия, мена темы и ремы, инверсия, аномальный сочинительный ряд, номинализация и пр. Установлены определенные тенденции в плане национально обусловленных особенностей реализации указанных моделей, а именно тяготение к определенной безапелляционности, при которой адресату достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения и мнения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения. Делаются выводы о том, что общим признаком рассмотренных моделей языковой демагогии является наличие тех или иных нарушений принципа кооперации под видом его соблюдения, которые характеризуются игнорированием интересов инициатора диалога.

Ключевые слова: вопросно-ответные единства; диалогическая речь; фатическая коммуникация; языковая демагогия; языковое манипулирование сознанием; русский язык.

Цитирование: Кузнецов И. А. Модели языковой демагогии в русскоязычной фатической диалогической вопросно-ответной коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 1 (69). С. 67–83. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-69-1-67-83.

**Models of “Language Demagoguery”
in Russian Phatic Dialogical Question – Answer Communication**

Igor A. Kuznetsov

Dmitry Mendeleev University of Chemical Technology of Russia,
Moscow, Russia

The article examines the affective potential and attitudes of some manipulative communication strategies and tactics in phatic speech interaction. Phatic speech communication refers to communication that has as its goal communication itself and not the exchange of factual information between the speaker and the listener. The subject of the study is question – answer dialogical adjacency pairs. The purpose of the study is to analyze the models of “language demagoguery” in phatic dialogic question-answer communication in Russian speech using the methodology of complex discourse analysis of dialogue, including the implicit components of its intentional domain and propositional content. As research material the author used question – answer adjacency pairs extracted from the Russian National Corpus in the total of 218 contexts. The study considered several models of “language demagoguery” including assertion masquerading as a presupposition, influence using speech implicatures, objection under the guise of agreement, contrasting “apparent” and “true” reality, playing on referential ambiguity, using a manipulative strategy *de re*, as well as “word magic.” It is shown that these models are actualized in Russian dialogic discourse through such language means as playing on polysemy, the use of metaphors, inducing false evaluation, hidden comparisons or contrasts, manipulation of expressive means, paronomasia, change of theme and rheme, inversion, anomalous coordinating series, nominalization, etc. In terms of nationally specific ways of implementing these models, the author identifies a tendency towards a certain peremptory nature, in which certain judgments and opinions are rather unceremoniously imposed on the addressee in a form that does not allow any further discussion. It is concluded that a common feature of the considered models of “language demagoguery” is the presence of certain violations of the principle of cooperation under the guise of its observance, which are characterized by ignoring the interests of the initiator of the dialogue.

Key words: question-answer adjacency pairs; dialogical speech; phatic communication; language demagoguery; language manipulation of consciousness; Russian language.

Citation: Kuznetsov, Igor A. (2025) Models of “Language Demagoguery” in Russian Phatic Dialogical Question – Answer Communication. *LUNN Bulletin*, 1 (69), 67–83. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-69-1-67-83.

1. Введение

В статье на новом языковом материале разиваются и уточняются положения, представленные в работе (Radbil, Kuznetsov, Kuznetsova 2021). Современные лингвистические исследования диалога получили новые импульсы в плане ориентации на комплексный характер стратегий научного поиска на основе принципов антропоцентризма и междисциплинарного подхода (Федорова 1991). В этой связи в современной науке разнообразные исследовательские модели изу-

чения диалога примерно с конца 1980-х – начала 1990-х гг. получили обобщающее терминовое обозначение — лингвистическое диалоговедение (Баженова 2021: 66; Малышева, Егошкина 2023: 106). В рамках разнообразной проблематики лингвистического диалоговедения в том числе ставится вопрос о минимальных единицах диалогического взаимодействия, к которым принято относить диалогические единства (*adjacency pairs*) (Баранов, Крейдлин 1992; Шведова 2003). Диалогические единства состоят из семантически и структурно взаимообусловленных реплик, характеризующихся разной степенью прагматической связности, или иллюкутивной вынужденности (Падучева 1982; Борисова 2009). Одними из самых распространенных разновидностей диалогических единств считаются вопросно-ответные единства (Масленников 2017: 230), которые и являются предметом настоящего исследования.

В современном лингвистическом диалоговедении принципиально важным считается функциональное разграничение типов диалогического взаимодействия на информативную и фатическую коммуникацию, которое проводится на основе разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего (Винокур 1993). Интерес исследователей к фатической стороне коммуникации берет свое начало от работ Р. О. Jakobson, установившего, что «*фатическая* (выделено автором. — Р. Я.) функция осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых — поддержание коммуникации» (Jakobson 1975: 194). Таким образом, самое простое определение фатики — это общение, имеющее целью само общение, а не обмен фактической информацией между говорящим и слушающим. Фатика пронизывает все сферы диалогического общения, как неофициального, так и публичного. В цивилизованном обществе роль фатической коммуникации постоянно возрастает, так как она, по сути, обслуживает один из важнейших принципов нормального общения — принцип вежливости (Leech 1983).

Однако в целях нашего исследования важно, что фатика не обязательно характерна исключительно для кооперативного речевого взаимодействия, основанного на стремлении к коммуникативному сотрудничеству. Нередко фатические диалоги направлены на нарушение принципа кооперации как основы рациональной и эффективной коммуникации (Грайс 1985). Интенции и установки участников фатической коммуникации могут быть крайне разнообразны, в том числе порождая модели конфликтного или манипулятивного речевого взаимодействия. Именно манипулятивная сторона фатического общения находится в центре исследовательского внимания в настоящей работе.

В научной литературе широко обсуждаются манипулятивные стратегии и тактики речевого общения — см., например: (Иссерс 2022). В данном исследо-

вании мы подробно остановимся на одной, весьма показательной группе приемов и средств манипулятивного воздействия, а именно на языковых моделях так называемой языковой демагогии, которые, со ссылкой на Т. М. Николаеву, обстоятельно рассмотрены в работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева. Под языковой демагогией понимаются «приемы непрямого воздействия на слушающего или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами» (Булыгина, Шмелев 1997: 461). Манипулятивность указанных приемов состоит в том, что речевое воздействие на адресата осуществляется не прямо «в лоб», а замаскировано.

Таким образом, мы можем сформулировать цель предпринятого исследования — проанализировать модели языковой демагогии в фатической диалогической вопросно-ответной коммуникации, реализованные в русской речи.

2. Характеристика материала и методов исследования

Методологической основой исследования являются идеи и принципы «прагматики дискурса», изложенные в работах Т. ван Дейка (van Dijk 1981), прагматической стилистики Э. Блэк (Black 2006), когнитивно ориентированной прикладной прагматики А. Новека (Noveck 2021) и «аффективной прагматики» А. Скарантино (Scarantino 2017). Анализ имплицитных приемов речевого воздействия, в том числе ведущих к сбоям в коммуникации, основан на работах в области логико-прагматического анализа диалогической коммуникации (Падучева 1982; Carston 1988) и коммуникативистики (Cobley 2004; Иссерс 2022), а также на исследованиях в области коммуникативно-прагматической аномальности (Булыгина, Шмелев 1997; Радби́ль 2006). Непосредственная научная процедура исследования, апробированная в наших предыдущих работах (Кузнецов 2020), представляет собой методику дискурс-анализа диалога, которая базируется на методах лингвопрагматического анализа дискурса, в том числе имплицитных составляющих его интенциональной области и пропозиционального содержания (Борисова 2009; Иссерс 2020; Русский язык 2021), и когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных (Чернявская 2018; Радби́ль 2020).

Материалом исследования являются вопросно-ответные единства, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ): основной корпус, газетные корпуса. Объем материала — выборка из 218 контекстов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В статье рассматриваются следующие разновидности моделей языковой демагогии, выявленные в работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева: 1) ассерция,

маскирующаяся под пресуппозицию; 2) воздействие при помощи речевых имплицатур; 3) возражение под видом согласия; 4) противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности; 5) игра на референциальной неоднозначности; 6) использование манипулятивной стратегии *de re*; 7) «магия слова» (Булыгина, Шмелев 1997: 437–477).

3.1. Ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию

В других источниках этот прием называется «навязывание ложной пресуппозиции» (Иссерс 2022). Пресуппозиция понимается как обязательный невербализованный компонент слова или высказывания, который выступает как условие его осмысленности. Используется такое свойство пресуппозиций, как неустранимость: пресуппозиции сохраняются и в случае отрицания пропозиции. Поэтому их нельзя оспорить или опровергнуть: оспорить или опровергнуть можно только ассертивную, эксплицитную семантику пропозиции. В научной литературе по лингвистической прагматике пресуппозиции делятся на семантические и прагматические (Падучева 1996).

Семантические пресуппозиции выводятся из значений слов и выражений как базовые имплицитные смыслы, без которых слово или выражение вообще не будет иметь смысла. Навязывание ложной семантической пресуппозиции можно проиллюстрировать следующим примером:

(1) — *В чем, по-вашему, скрыты наиболее серьезные ограничения для профессионального роста — в природных качествах личности или социальных барьерах, которые ей приходится преодолевать?* // — Конечно, личностные качества (ум, память, физическое и психическое здоровье) — условия, необходимые для любой успешной деятельности. В остальном все зависит от общества, в котором живет человек. Социальная среда определяется тем, какие она предоставляет человеку возможности для развития его индивидуальных способностей (Анна Гаганова. Цена успеха // «Профессионал», 01.07.1998).

Здесь в вопросе содержится навязываемая отвечающему семантическая пресуппозиция ‘уже имеют место наиболее серьезные ограничения для профессионального роста’, а также ограничены возможные альтернативы для ответа — предлагается только две версии: *природные качества личности / социальные барьеры, которые ей приходится преодолевать*. Так инициатором диалога как бы программируется содержание ответа в нужном для инициатора плане.

Аналогично во фрагменте:

(2) — *Что, по-вашему, надо сделать, чтобы прекратилось отравление земли, отравление воды и воздуха отходами производства?* // — По-моему, это вопрос сугубо административный... Это не входит в функции науки? Нет (Беседы с участниками X юбилейного Менделеевского съезда // «Химия и жизнь», 1970).

В данном примере вопрос навязывает пресуппозицию ‘имеет место отравление земли, отравление воды и воздуха отходами производства’, тем самым переводя в область безусловно истинного аксиоматического знания гипотезу, которая еще нуждается в верификации. Не случайно в ответной реплике содержится вежливый отказ предоставить требуемую спрашивающим информацию.

Прагматические пресуппозиции опираются на обстоятельства речевого акта, в том числе на условия его успешности (Падучева 1982, 1996), на то, что вообще является общеизвестным для всех людей или просто по ситуации известно обоим собеседникам.

(3) — *Не ори на меня, — снова взвился Колесов. — Я к тебе не нанимался. //* — *Н-да? А к кому ты нанимался? //* — **К кому, сам знаешь** (Влада Валеева. Скорая помощь (2002)).

Таким образом отвечающий уходит от неудобной для него по каким-либо причинам конкретной номинации лица, о котором идет речь в диалоге.

Навязывание ложной прагматической пресуппозиции часто осуществляется как намек на некоторые якобы известные и говорящему, и слушающему лица, объекты, ситуации, обстоятельства, например:

(4) — *Одни делают, а другие едят. И у нас такое безобразие. Почему везде так? //* — **Вот это ты и сам знаешь, только вспомнить и подумать не хочешь** (Александр Бармин. Трудолюбы, дармоеды и кибернетика // «Дальний Восток», 2019).

3.2. Воздействие при помощи речевых импликатур

По-другому этот прием иногда именуется «наведение ложного умозаключения» (Иссерс 2022). Он «состоит в том, что внушаемое утверждение прямо не содержится в тексте, но вытекает из содержащихся в нем утверждений как речевая импликатура. Это дает возможность автору текста при необходимости “отпереться” от имплицуемого утверждения...» (Булыгина, Шмелев 1997: 463). Наведение ложного умозаключения возможно как в речевой зоне инициатора диалога, так и в речевой зоне отвечающего.

Так, некорректная импликация может быть заложена в реплике инициатора диалога:

(5) *Мы попадаем в салон машины как раз в самый разгар спора агентов. //* — *Как же так, Натан?! — возмущенно говорит Иеремия. — Как ты можешь служить в Моссаде и говорить такие ужасные, отвратительные вещи, — говорит он. //* — *Да мне по фигу, — лениво говорит Натан, который смотрит на солнце с закрытыми глазами (ведет Иеремия). — Вся эта патриотическая жвачка...* (В. В. Лорченков. Копи Царя Соломона // «Волга», 2011).

Здесь в вопросе наводится логически аномальная импликатура ‘те, кто служат в Моссаде, не могут говорить «ужасные вещи»’. Не случаен и грубый отказ

отвечающего, который реагирует на манипулятивный заряд вопроса, продолжать разговор в рамках, предложенных инициатором диалога.

Ложная импликатура может порождаться и в речевой зоне адресата, который в ответной реплике переосмысливает содержание вопроса в нужную для его сторону, например:

(6) *Бабушка говорит трехлетней внучке, которая игнорировала дневной сон: // — Как ты можешь целый день не спать? Я бы **на твоём месте** уже давно спала. // На что внучка резонно отвечает: // — **На моем месте ты не поместишься*** (Коллекция анекдотов: дети (1970–2000)).

В приведенном выше примере новый смысл возникает за счет использования приема **амфиболии** — обыгрывания многозначности, а именно столкновения в одном контексте фразеологического метафорического значения выражения *на твоём месте* и его буквального, нефразеологизованного смысла.

Иногда в этих случаях говорят о ложной инференции — нестрогом умозаключении, которое адресат сообщения должен, по замыслу говорящего, самостоятельно логически вывести по умолчанию из того, что сказано, опираясь на контекст, ситуацию общения, культурный фон, энциклопедические знания о мире. Иначе говоря, адресату навязывается некий новый смысл «за счет имплицитного обращения к другому концепту, т. е. на основе выводного, дополнительного знания» (Болдырев 2014: 102).

Так, в примере:

(7) — *Правда ли, что **большинство ярких идей топится менеджерским составом маркетологов**, которых больше заботит удержание собственного места, чем брендопостроение?* // — *Такое явление иногда наблюдается. Хотя это слабое оправдание...* (Игорь Лутц, Татьяна Эшназарова. «В нашей стране такие непростые вопросы, как законодательство, поднимать и решать сложно» (24.10.2008)), — в речевой зоне инициатора диалога наводится ложная инференция ‘большинство ярких идей топится менеджерским составом маркетологов’.

Ложная инференция в зоне отвечающего может эксплуатировать коммуникативную тактику намека (Иссерс 2022), например:

(8) — *Как ты можешь **непрестанно ссориться с женой** и в то же время уважать тещу?* // — ***Когда-то именно она была решительно против нашего брака*** (Коллекция анекдотов: теща (1970–2000)).

В примере (8) порождение нового смысла и, соответственно, юмористического эффекта в ответной реплике связано с неэксплицированным выводным знанием: ‘я уважаю тещу за то, что она была против моего брака с ее дочерью, с которой у меня сейчас плохие отношения’.

Вообще говоря, эффект ложной, т. е. нарушающей стандартную логику рассуждений инференции в речевой зоне отвечающего часто используется в целях создания комического эффекта:

(9) *Молодая симпатичная дама интересуется у М. Твена: // — Правда ли, что все люди произошли от обезьян. // — Да. // — Все, все и даже я? // — Да, но вы от очень хорошенькой* (Коллекция анекдотов: персоналии (1970–2000)).

В данном примере в юмористической форме в ответной реплике наводится импликатура — изысканный завуалированный комплимент. При этом комический эффект возникает за счет порождения аномальной оценочности (Радбиль 2006) — **хорошенькая обезьяна*.

3.3. Возражение под видом согласия

Эта модель языковой демагогии в условиях вопросно-ответной коммуникации возможна только в речевой зоне отвечающего. «Речь идет о манере спорить, когда говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут же приводит соображение, сводящее на нет возможные выводы из этой мысли» (Булыгина, Шмелев 1997: 464). Как правило, возражение под видом согласия вводится в диалогический дискурс посредством типизированных речевых формул *согласен (соглашусь), но...; ты прав, но...; конечно, но...; действительно, но... и пр.*, например:

(10) — *Ну что, глупо, скажете? // — Да не особенно умно, — ответил Зыбин. — Словесная игра, фокусы какие-то. // — Да, согласен, неумно, но вместе с тем и совершенно неопровержимо. И беда в том, что с этими глупыми, но неопровержимыми вещами и порядками приходится встречаться теперь каждый день* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)).

В таких случаях эксплуатируется лингвопрагматический механизм неявного противопоставления, когда отвечающий, формально соблюдая принцип кооперации, выражает согласие, но при этом высказывает свою позицию, содержание которой, по сути, опровергает соображения инициатора диалога, например:

(11) — *Интересно, Александр Альбертович, если бы на прошлых выборах работали эти новшества, вы бы добивались приостановки работы Первого канала за «телекиллерство» Доренко? // — Конечно, но только не всего канала, а программы Доренко. Для электронных СМИ в подобных случаях не предполагается закрытия всего канала — лишь передачи, которая нарушает закон* (Анна Феофилактова. Свобода слова в лабиринте (2003) // «Московский комсомолец», 14.01.2003).

Высказывание возражения, замаскированного под согласие, является весьма действенным манипулятивным приемом, позволяющим отвечающему избежать санкций за нарушение конвенций кооперативного диалога, например:

(12) — *Константин Владимирович, в 2002 году МНС не добрало примерно 55 млрд. рублей. Как правительство будет выкручиваться?* // — **Конечно**, это неприятно, **но** считаю, катастрофы не произошло. Нужно учитывать несколько факторов, прежде всего неналоговые доходы бюджета, которые будут получены по линии Государственного таможенного комитета и Мингосимущества. А также опережающий рост импорта (Марат Хайруллин. Катастрофы пока нет (2003) // «Московский комсомолец», 10.01.2003).

Здесь ответная реплика под видом согласия выражает содержание, прямо противоположное тому, что актуализовано в вопросе инициатора диалога, посвященном возможным антикризисным действиям правительства.

3.4. Противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности

Эта модель основана на манипулятивной эксплуатации маркеров истинности, реальности, применяющихся к оценке пропозиций, которые могут объективно сдерживать весьма спорную информацию, к объективной реальности отношения не имеющую. Коммуникативная стратегия говорящего заключается в имплицитной, подразумеваемой по умолчанию претензии на то, что именно ему известна «подлинная» реальность, скрывающейся за очевидной всем, но при этом «мнимой» реальностью (Булыгина, Шмелев 1997: 468).

Модель противопоставления «видимой» и «подлинной» реальности в условиях вопросно-ответной коммуникации также возможна только в речевой зоне отвечающего. Как и в случае с моделью «возражение под видом согласия», она часто реализуется в диалогическом дискурсе посредством типизированных метаязыковых выражений типа *на самом деле, в самом деле, в действительности* и под., например:

(13) — *Если тут каждому памятники ставить, мы тут по кладбищу бы ходили,* — сказал с какой-то особенно мрачной миной на лице. <...>. // — Ты сам понимаешь, что говоришь? — спросил Сергей Сергеевич у Игоря Васильевича. — Ты понимаешь, что ей, может быть, не просто все равно, **а на самом деле** все равно? Хочешь на актерскую игру посмотреть — в театр сходи, а давать наводку на отдел я не собираюсь (А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015).

Манипулятивность подобного приема заключается в том, что стороннему наблюдателю (в нашем случае — читателю) не всегда понятно, какая же из двух реальностей «мнимая», а какая — «подлинная», потому что признание реальности «подлинной» или «мнимой» целиком и полностью находится в распоряжении говорящего:

(14) — *Я же знаю только то, что ничего не знаю. Все всё понимают, один я ничего не понимаю. И что это за жизнь?* // — Но ведь люди только делают вид, что понимают, **а на самом деле** во тьме пребывают и они, — возразила Вера (Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене // «Ковчег», 2014).

В примере (14) нетрудно заметить, что оба тезиса в ответной реплике (*люди делают вид, что понимают и люди пребывают во тьме [непонимания]*) в равной степени претендуют лишь на статус гипотезы, но никак не на статус достоверного знания, отражающего объективную реальность. Выбор между тем, что считать «мнимым», а что «подлинным» знанием, всецело отдается на произвол говорящего.

3.5. Игра на референциальной неоднозначности

Эта модель состоит в совмещении в пределах одного контекста нескольких возможных денотативных (или референциальных) статусов, в терминологии Е. В. Падучевой, одного и того же языкового выражения. Проще говоря, в вопросно-ответном взаимодействии может иметься в виду конкретный, неопределенный или обобщенный референт, могут смешиваться референтные и нереферентные употребления именной группы, а также разные виды нереферентных употреблений: универсальные, экзистенциальные, родовые, атрибутивные (Падучева 1985). Как правило, референциальная неоднозначность также задается в речевой зоне адресата.

Прототипический образец совмещения в пределах одного контекста нереферентного и референтного употребления редставлен в следующем анекдоте:

(15) — *Мне кажется, мистер Твен, что даже самому большому в мире глупцу не удалось бы вас рассмешить.* // — *А вы попробуйте,* — предложил М. Твен (Коллекция анекдотов: персоналии (1970–2000)).

Здесь в речевой зоне инициатора диалога слово *глупец* используется в такой разновидности нереферентного употребления, как атрибутивное употребление: любой, невыбранный субъект, который соответствует признаку ‘быть самым большим в мире глупцом’. В речевой зоне отвечающего происходит манипулятивное переосмысление референциального статуса: содержится имплицитная, подразумеваемая конкретная дейктическая референция к участнику коммуникации II л. — *вы* ‘тот человек, который здесь сейчас задал мне этот вопрос, т. е. реальный собеседник’.

Совмещение конкретного референтного и нереферентного экзистенциального употребления в ряде случаев может быть основано на омонимии нарицательного и собственного имени — онима (наименования какого-либо единичного объекта), например:

(16) — *Ты что-то хочешь сказать, Эля?* // — *А можно «Модную женищину»?* — *замирая, спросила Элька.* // — *Что? Какую модную женищину? Ты о чем?* // — *Ну, чтобы из журнала... из «Модной женищины»...* (Мария Галина. Солнцеворот (2013)).

В данном примере смешивается именная группа *модная женищина* как название журнала и как неопределенная молодая женщина (какая-нибудь модная

женщина), что соответствует модели нереферентных экзистенциальных употреблений, основанных на логическом кванторе существования.

Совмещение разных типов нереферентных употреблений можно видеть в примере:

(17) — *Как у папы дела на работе?* // — *В прокуратуре, что ли? Он как деньги нашел, так из прокуратуры ушел. Они теперь вместе с Завадским **женщин** ищут.* // — ***Каких еще женщин?*** // — ***Неверных жен.*** *А мужья им за это платят.* // — *Частное сыскное агентство?* — *уточнила Евгения.* // — *Ну да!* (Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002)).

В примере (17) в речевой зоне инициатора диалога выражение *искать женщин* сначала воспринимается в режиме общеупотребительной коллокации *искать женщин* (для свиданий). Следовательно, номинация *женщины* используется в нереферентном экзистенциальном употреблении ‘какие-нибудь женщины’, которое соответствует логическому квантору существования *Некоторые S суть P* (= *Существуют S, которые P*). В речевой зоне отвечающего референциальный статус переосмысливается по линии сужения области референции — такие, тоже нереферентные, употребления именуются атрибутивными: любые субъекты, удовлетворяющие признаку ‘быть неверными женами (которых мужья подозревают в неверности и обращаются за доказательствами измены в частное сыскное агентство)’.

3.6. Использование манипулятивной стратегии *de re*

Еще в античной риторике было предложено разграничение двух способов излагать чужое мнение или описывать ситуацию: коммуникативная стратегия *de dicto* предполагает передачу чужого мнения с позиции его источника, в его логике, а изложение какой-либо ситуации в объективном ключе, как оно было в реальности; коммуникативная стратегия *de re* предполагает переформулирование чужого мнения в интересах говорящего и перетолкование описываемой ситуации в нужном говорящему направлении. Нетрудно видеть, что стратегия *de dicto* является средством адекватной передачи чужого мнения или объективного описания ситуации, т. е. направлена на соблюдение принципов коммуникативного сотрудничества. В свою очередь стратегия *de re*, которая характеризуется Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым как «переинтерпретация чужих воззрений или высказываний в соответствии со своими исходными посылками» (Булыгина, Шмелев 1997: 472), выступает как механизм языкового манипулирования.

Эта модель также в основном реализуется только в речевой зоне адресата. Как правило, ее порождение в вопросно-ответной коммуникации связано с обыгрыванием особенностей актуального (темо-рематического) членения предложения, а именно с намеренной меной темы и ремы в ответной реплике, например:

(18) — *То есть как? // — Вот так! Ты знаешь, **чем** она больна? // — Я знаю, что **она больна**, и это единственно важно* (Николай Дубов. Мальчик у моря (1966)).

В этом примере рема в вопросе задается вопросительным местоимением *чем*, которое в общем и требует ответа — информации о характере заболевания. Но в ответной реплике рематический центр произвольно перемещается на сам факт болезни *она больна*, т. е. требуемый ответ не состоялся, нужная информация не дана инициатору диалога. Отвечающий переводит разговор в другой план, исходя из своих интересов.

Аналогично во фрагменте:

(19) — *Ты собираешься на мне жениться, потому что я унаследовала от **тети Норы виллы**? // — Конечно, нет. Это просто смешно. Я женился бы на тебе, от кого бы ты ее ни унаследовала* (Владимир Шахиджян. 1001 вопрос про ЭТО (№ 1–500) (1999)).

В речевой зоне спрашивающего в позиции ремы находится наследование виллы от тети Норы как возможный мотив женитьбы; в ответной реплике происходит переинтерпретация содержания вопроса посредством помещения в позицию ремы самого факта наследования виллы, независимо от какого лица, в соответствии с истинными исходными посылками отвечающего.

Иногда в основе этой модели лежит операция с семантикой и грамматическими функциями отдельных слов, основанная на амфиболии — намеренном неразграничении в контексте разных значений слова или омонимов, например:

(20) — *Это уже интересно. **Как полагаешь?** // — **Так и полагаю**. Затем и Глеба послал* (Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985)).

Здесь в речевой зоне инициатора диалога выражение *как полагаешь* употреблено как вводное предложение в функции привлечения внимания собеседника. В речевой зоне отвечающего *так и полагаю* употреблено уже в значении полноценного предложения модусной семантики ‘я так считаю, я имею такое мнение’.

3.7. «Магия слова»

Под данной моделью языковой демагогии понимаются случаи использования эмоционально насыщенных, образных и экспрессивных выражений, в том числе метафорических, которые имеют своей целью отвлечь собеседника от истинной сути говоримого, которая может быть спорной или неоднозначной, будучи воспринятой на рациональном уровне. «Расчет, осознанный или неосознанный, делается на то, что поддавшийся “магии слов” адресат речи не будет особенно вникать в смысл того, что ему говорится» (Булыгина, Шмелев 1997: 474). Указанные модели в вопросно-ответной коммуникации могут порождаться

и в речевой зоне инициатора диалога, и в речевой зоне отвечающего, и в речевых зонах и того и другого одновременно.

Стилистический прием нагромождения в речи высказываний, эмоционально воздействующих на адресата, именуется **амплификацией**. Именно на амплификации основан следующий пример реализации модели «магия слова»:

(21) — *А если этот догадывается. Почему бы ему не выкинуть предмет? //* — **Хороший человек в такой момент думает — я выкину, а его подберет другой хороший человек... Хорошим людям вообще свойственно думать, что их окружают хорошие люди** (Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009)).

Здесь вместо информативного ответа в реактивной реплике посредством амплификации вводится ряд обобщающих тривиальных сентенций, пафос которых не соответствует в общем обычной, нейтральной ситуации. В результате смысл ответа расплывается, становится непонятен.

Аналогичную роль играют экспрессивные повторы, которые выполняют суггестивную функцию, как бы запутывая и инициатора диалога, и его адресата, в результате чего теряется нить рассуждений, например:

(22) «Хорошо. Давай обсудим». «Ну, давай. **Что?**» «**Ты сам знаешь что.**» «**Я-то знаю. Но правильно сформулировать вопрос — это получить на него половину ответа.**» «**Мне не нужна половина ответа. Половина ответа — это хуже, чем вообще никакого ответа**» (Герман Садулаев. Таблетка (2008)).

Часто прием «магии слова» основан на действии механизмов языковой аномальности (Радбиль 2006), когда в диалогический вопросно-ответный дискурс, как правило в речевой зоне отвечающего, намеренно вводятся высказывания, которые неинформативны, тавтологичны, алогичны или внутренне противоречивы, а также не соответствуют логике коммуникации, например:

(23) *В зале суда судят боксера за избивание женщины. Боксер — мастер спорта, резкий, дерганый мужик. Судья: //* — *Ну вот скажите, подсудимый, за что вы избили женщину? //* — **Какую женщину, это же моя тёща!** (Коллекция анекдотов: тёща (1970–2000)).

В данном случае «магия слова» порождается посредством нарушения логического отношения включения — *‘тёща не входит в множество женщин’, что, собственно, и приводит к комическому эффекту.

4. Заключение

Проведенное исследование не только продемонстрировало распространенность моделей языковой демагогии в отечественной фатической вопросно-ответной коммуникации, но и позволило установить разнообразные разноуровневые

средства их дискурсной реализации, такие как игра на многозначности слов и выражений (амфиболия), использование метафор, наведение аномальной оценочности, скрытое сравнение или противопоставление, манипуляция экспрессивными средствами (амплификация), параномазия, мена темы и ремы, инверсия, аномальный сочинительный ряд, номинализация и пр.

Проанализированные манипулятивные механизмы, по всей видимости, имеют общекоммуникативную природу, но при этом можно постулировать и определенные тенденции в плане национально обусловленных особенностей реализации указанных моделей. Это, например, тяготение коммуникантов к определенной безапелляционности, при которой адресату достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения и мнения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения. В целом общим признаком рассмотренных моделей языковой демагогии является наличие тех или иных нарушений принципа кооперации под видом его соблюдения, которые характеризуются игнорированием интересов инициатора диалога.

Список литературы / References

- Баженова Я. Г. Манипулятивные коммуникативные стратегии в русской диалогической речи: естественно-языковой и художественный диалог в сопоставительном освещении: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Новгород, 2021. [Bazhenova, Yana G. (2021) *Manipulyativnyye kommunikativnyye strategii v russkoy dialogicheskoy rechi: yestestvenno-yazykovoy i khudozhestvennyy dialog v sopostavitel'nom osveshchenii*, Dis. ... kand. filol. nauk. (Manipulative Communicative Strategies in Russian Dialogical Speech: Natural Language and Literary Dialogue in Comparative Aspect: PhD Thesis in Philology). Nizhniy Novgorod. (In Russian)].
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 8–17. [Baranov, Anatoly N., & Kreydlin, Grigory Ye. (1992) *Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskiye pokazateli minimal'nykh dialogov* (The Structure of a Dialogical Text: Lexical Indicators of Minimal Dialogues). *Voprosy yazykoznaniya*, 3, 8–17. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. [Boldyrev, Nikolay N. (2014) *Kognitivnaya semantika. Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku*. (Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics). Tambov: Derzhavin TSU. (In Russian)].
- Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. [Borisova, Irina N. (2009) *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika*. Izd. 3-ye. (Russian Colloquial Dialogue: Structure and Dynamics, 3rd ed.). Moscow: LIBROKOM. (In Russian)].
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. [Bulygina, Tatyana V., & Shmelev, Alexey D. (1997) *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* (Language

Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar)). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian)].

- Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева; Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1993. С. 5–29. [Vinokur, Tatyana G. (1993) *Informativnaya i faticheskaya rech' kak obnaruzheniye raznykh kommunikativnykh namereniy govoryashchego i slushayushchego* (Informative and Phatic Speech as the Detection of Different Communicative Intentions of the Speaker and Listener). In Zemskaya, Elena A., Shmelev, Dmitry N. (eds.) *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* (Russian Language in its Functioning. Communicative-Pragmatic Aspect). Moscow: Nauka, 5–29. (In Russian)].
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Сост. и вст. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой; общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237. [Grice, Herbert Paul. (1985) *Logika i rechevoye obshcheniye* (Logic and Conversation). In Paducheva, Elena V. (ed.), Arut'unova, Nina D., Paducheva, Elena V. (comp.). *Novoye v zarubezhnoy lingvistike Vypusk 16, Lingvisticheskaya pragmatika* (New in Foreign Linguistics, Vol. 16. Linguistic Pragmatics). Moscow: Progress, 217–237. (In Russian)].
- Иссерс О. С. Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 2. С. 243–256. [Issers, Oksana S. (2020) *Boleye poluveka pod zontikom kommunikativnykh strategiy* (More than Half a Century under the Umbrella of Communication Strategies). *Communication Studies*, 7, 2, 243–256. (In Russian)]. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS, 2022. [Issers, Oksana S. (2022) *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* (Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Кузнецов И. А. Национально-обусловленные модели диалогической коммуникации в современной русской речи: к проблеме комплексного лингвокультурологического описания // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 274–279. [Kuznetsov, Igor' A. (2020) *Natsional'no-obuslovlennyye modeli dialogicheskoy kommunikatsii v sovremennoy russkoy rechi: k probleme kompleksnogo lingvokul'turologicheskogo opisaniya* (Nationally Determined Models of Dialogical Communication in Modern Russian Speech: to the Problem of a Comprehensive Linguocultural Description). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2, 274–279. (In Russian)].
- Малышева Е. Г., Егошкина В. А. Диалог и диалогическая коммуникация как объекты научной рефлексии: обзор отечественных лингвистических исследований // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (41). С. 104–110. [Malysheva, Yelena G., & Yegoshkina, Violetta A. (2023) *Dialog i dialogicheskaya kommunikatsiya kak obyekty nauchnoy refleksii: obzor otechestvennykh lingvisticheskikh issledovaniy* (Dialogue and Dialogical Communication as Objects of Scientific Reflection: a Review of Domestic Linguistic Research). *Review of OSPU. Humanitarian Research*, 4 (41), 104–110. (In Russian)]. DOI: 10.36809/2309-9380-2023-41-104-110.
- Масленников С. В. Диалогические единства в исторических хрониках А. Н. Островского: структура — семантика — функционирование // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2017. № 4. С. 230–233. [Maslennikov, Semyon V. (2017) *Dialogicheskiye yedinstva v istoricheskikh khronikakh A. N. Ostrovskogo*:

- struktura — semantika — funktsionirovaniye (Dialogical Unities in Historical Chronicles by Alexander Ostrovsky: Structure — Semantics — Functioning). *Vestnik of Kostroma State University*, 4, 230–233. (In Russian)].
- Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Изв-я АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 305–313. [Paducheva, Yelena V. (1982) *Pragmaticheskiye aspekty svyaznosti dialoga* (Pragmatic Aspects of Dialogue Coherence). *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 41, 4, 305–313. (In Russian)].
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. [Paducheva, Yelena V. (1985) *Vyskazyvaniye i yego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu* (referentsial'nyye aspekty semantiki mestoimeniy) (The Statement and its Correlation with Reality (Referential Aspects of the Semantics of Pronouns)). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva, Yelena V. (1996) *Semanticheskiye issledovaniya* (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narativa) (Semantic Studies (Semantics of Time and Aspect in the Russian Language. Semantics of Narrative)). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian)].
- Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2006. [Radbil', Tmur B. (2006) *Yazykovyye anomalii v khudozhestvennom tekste*. Dis. ... d-ra filol. nauk (Language Anomalies in Literary Text: PhD (Advanced) Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. [Radbil', Tmur B. (2020) «Samoizolyatsiya» kak noveyshiy russkiy kul'turnyy kontsept: kognitivno-diskursivnyy aspekt (“Self-Isolation” as the Newest Russian Cultural Concept: Cognitive-Discursive Aspect). *Communication Studies*, 7 (4), 759–774. (In Russian)]. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
- Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Коллективная монография / Под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. [Ratsiburskaya, Larisa V. (ed.) (2021) *Russkiy yazyk v internet-kommunikatsii: lingvokognitivnyy i pragmaticheskii aspekty: Kollektivnaya monografiya* (Russian Language in Internet Communication: Linguocognitive and Pragmatic Aspects: Collective Monograph). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 46–50. [Fedorova, L'udmila L. (1991) *Tipologiya rechevogo vozdeystviya i yego mesto v strukture obshcheniya* (Typology of Speech Influence and its Place in the Structure of Communication). *Voprosy yazykoznaniya*, 6, 46–50. (In Russian)].
- Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37. (Chernyavskaya, Valeriya Ye. (2018) *Diskursivnyy analiz i korpusnyye metody: neobkhodimoye dokazatel'noye zveno? Obyasnitel'nyye vozmozhnosti kachestvennogo i kolichestvennogo podkhodov* (Discourse Analysis and Corpus Methods: a Necessary Evidentiary Link? Explanatory Possibilities of Qualitative and Quantitative Approaches). *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 31–37. (In Russian)].
- Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003. [Shvedova, Natalya Yu. (2003) *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* (Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech). Moscow: Azbukovnik. (In Russian)].

- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей: Пер. с англ., франц., нем., чеш., польск. и болг. яз. / Сост. М. Я. Полякова; под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 190–230. [Yakobson, Roman. (1975) *Lingvistika i poetika* (Linguistics and Poetics). In Basin, Yevgeny A., & Pol'akov, Mikhail Ya. (eds.) *Strukturalizm: «za» i «protiv»*: *Sbornik statey* (Structuralism: Pros and Cons: Collection of Articles). Moscow: Progress, 190–230. (In Russian)].
- Black, Elizabeth. (2006) *Pragmatic stylistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2006.
- Carston, Robyn. (1988) Implicature, Explicature, and Truth-Theoretic Semantics. In Kempson, Ruth M. (ed.) *Mental Representations: The Interface between Language and Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 155–181.
- Cobley, Paul. (2004) Communication Breakdown. *Language & Communication*, 24, 277–289.
- Leech, Geoffrey Neil. (1983) *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman.
- Noveck, Ira. (2021) *Review of Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge UK: Cambridge University Press.
- Radbil, Timur B., Kuznetsov, Igor A., & Kuznetsova, Tatyana I. (2021) Nationally Conditioned Models of Manipulative Communication in Russian Dialogical Speech. *Communication Studies*, 8, 3, 481–496. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).481-496.
- Scarantino, Andrea. (2017) How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics. *Psychological Inquiry*, 28 (2-3), 65–185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951.
- van Dijk, Teun Adrianus. (1981) *Studies in the Pragmatics of Discourse* (Volume 101 in the series *Janua Linguarum. Series Maior*). The Hage: De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110826142>.

Источники языкового материала / Language material resources

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.12.2024). [*Russian National Corpus*. Retrieved from <https://ruscorpora.ru/> (2024, December 20). (In Russian)].